

«ДЕТСКАЯ» ТЕМА У Н.А. ТЭФФИ

В.В. Шадурский, А.К. Дьячкова

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», Великий Новгород

Статья посвящена изучению темы детства в произведениях Н.А. Тэффи периода эмиграции. Внимание обращено на рассказы, вошедшие в книги 1930-х гг. «Ведьма», «О нежности». Для реконструкции понимания современниками рассказов Тэффи используется контекст литературной критики русского зарубежья, статьи из периодических изданий русской эмиграции. Дается характеристика мира детских рассказов, объясняется мотивация чтения произведений Тэффи как детьми, так и взрослыми. На примере рассказа «Лешачиха» представлено истолкование образа «страдающего ребенка». Страдание и одиночество многих детей связывается с их ощущением инаковости. Неожиданные поступки, совершаемые детьми, определяются двойственностью их сознания, а также отсутствием навыка выражать адекватные эмоции. Сделано предположение, что сборник «Ведьма» стал книгой, подготовившей концептуальное развитие темы детства в сборнике «О нежности».

Ключевые слова: Н.А. Тэффи, детская тема, литература русского зарубежья.

Н.А. Тэффи и Саша Черный в русском зарубежье были, наверное, единственными писателями, которые в течение многих лет уделяли внимание теме детства.

Саша Черный для своего времени обладал очевидной репутацией детского писателя, и сейчас вопрос, наверное, состоит только в том, могут ли современные читатели адекватно воспринимать его эмигрантские рассказы и стихи для детей [8]. Произведения Н.А. Тэффи, не выделявшей каких-либо категорий своего читателя, в основном пользовались вниманием взрослых. По словам Е.М. Трубиловой, писательница создавала эти истории «не для детей (в том нравоучительном, «хрестоматийном» смысле, который вкладывался в определение этого жанра на рубеже XIX–XX веков), а о детях. Собственно — обо всех нас» [6, с. 6].

Но в период эмиграции адресатом ее творчества стали русские эмигрантские семьи с детьми, внезапно вырванными из привычной среды. Тэффи писала о том, что ей больно видеть этих детей, растущих на чужой земле, забывающих русский язык, никогда не слышавших русских сказок и песен и выпитывающих вместо них только «страшную быль». Она пыталась писать для них «русское». Но, по словам самой писательницы, ей ни разу не удалось специально создать произведение для детей: «Детская книжка всегда была для меня загадкой. Я за всю свою жизнь ни разу не смогла написать рассказа для детей. Пробовала — выходило что-то неудобное, скорее для стариков-паралитиков, чем для нормального ребенка» [7, с. 2]. И все же один детский рассказ у нее был — переделанная на другой лад сказка о бабе Яге.

Но при этом и тогда, в 1920–1930-е гг., и сейчас дети читали и читают Тэффи, ее «взрослые» рассказы. Но совсем не по той причине, по которой Тэф-

фи ценят взрослые. Тэффи, пронесшая через всю жизнь свои детские воспоминания и щедро использующая их в творчестве, с почти фотографической точностью детально разбирает и воспроизводит детскую душу, и дети видят в героях Тэффи себя. Однако понять тонкий юмор и оценить стиль писательницы ребенку необыкновенно сложно, это показывает опыт изучения рассказов Тэффи в современной школе.

Воспоминания — одна из самых прочных основ творчества Тэффи. Этим объясняется то, что ее любимые темы — дети и животные. Часто они становятся участниками одного сюжета, как когда-то совмещались мире ее детства. Сестры, братья, соседские собаки и страшные серые волки из сказок — вот то, что составляло мир маленькой Тэффи, то, на чем она росла, и то, что она впоследствии тщательно воссоздает в рассказах. Дети эмигрантов, лишенные обычного детства, даже в не до конца понятных им рассказах Тэффи обнаруживали ощущение, атмосферу наполненного, счастливого детского бытия.

Рассказы, публиковавшиеся в 1931–1936 гг. в парижской газете «Возрождение» и рижской «Сегодня», были объединены в книгу «Ведьма» (Берлин, 1936). Книга открыла таинственный, фантастический мир, который так привлекателен и для ребенка, и для подростка. Герои этих рассказов — фольклорные персонажи, знакомые всем русским детям по сказкам, поэтому сборник иногда ошибочно считают «детским», хотя содержание его текстов слишком сложно для младшего возраста. В книге переплетаются и почти сливаются трагическое и комическое, мистическое и обыденное, страшное и доброе начала; «Во многих рассказах сборника писательница обращается к событиям и впечатлениям собственного детства („Домовой“, „Вурдалак“, „Лешачиха“, „Русалка“, „Который ходит“, „Ведун“)» [4, с. 560]. Она построена целиком на детских впечатлениях Тэффи и по сути автобиографическая. Герой и рассказчик в каждом рассказе — ребенок, причем ребенок «бывший», уже выросший. Автор занимает одновременно две позиции. Первая — точка зрения взрослого, который передает свои воспоминания. Это определяет ретроспективную композицию, «взрослые» попытки давать разумное объяснение событиям, а также иронию и некоторую отстраненность взгляда. Вторая — представляет того же взрослого много лет назад, когда он был ребенком. Эта точка зрения сказывается на детской речи, по-детски фрагментарном восприятии мира, определяет детское мышление и детское мифологическое сознание. Тэффи детально воспроизводит психологию не только этого ребенка-рассказчика, но и других героев-детей: нелюбимой графской дочки Яди (рассказ «Лешачиха»), тихой «Люси подвязанной» («Домовой»), несмышленной сестренки и т. д. Критик П. Бицilli писал об этой особенности героя Тэффи: «Ее персонажи — всегда дети, сколько бы лет им ни было» [1, с. 473].

Стоит отметить одну особенность «детских» героев Тэффи, которая отличает их от героев-детей других писателей. У Тэффи появляется «страдающий ребенок». При этом страдание его не совсем трагическое. Мир ребенка у Тэффи настолько обособлен от внешнего мира, так замкнут в самом себе и далек

от непостижимого мира взрослых, что ее дети постоянно ощущают свою инаковость и, как следствие, — свое одиночество. Во многих рассказах это чувство отверженности от окружающего «мира взрослых» смешивается с нежностью, жалостью, умиротворением. Ребенок, предоставленный самому себе, знакомится с собственной душой, постепенно постигая всё новые и новые чувства. Этот путь можно пройти только в одиночку, и Тэффи нежным материнским взглядом следит за своим героем, оставляя его одного и подталкивая в путь к постижению себя, к взрослению. Но есть среди рассказов Тэффи и такие, где одиночество детской души по-настоящему трагично, например в «Лешачихе». Здесь одиночество разрушает личность героини-подростка, которая слишком не похожа на других, общество не принимает ее и фактически изгоняет из своего мира. Как результат — девочка теряет себя, становится «лешачихой»: полудевочкой, полунечистью, застывшей на перепутье между миром людей и миром зверей.

Тот же Бицилли обнаружил у Тэффи особенную основу изображения детства — тему радости, идущую от «Шиллеровой оды и бетховенской симфонии» [1, с. 472], радость, предполагающую общение в любви. У детей, которых изображает Тэффи, радоваться «можно только сообща». Критик увидел, что даже в «затрепанных, замученных эмигрантским существованием людях» Тэффи «умеет показать то, что в них уцелело детского» [там же]. Он обращает внимание на возрастную и психологическую разность между взрослым и ребенком, которую Тэффи легко преодолевает, через детскую речь глубоко выражая детскую же душу. Писательница умеет объяснить этот «пафос расстояния» между умным взрослым и ангелоподобным ребенком. Ей подвластны и детская психика, и детская логика, и потому среди раскрываемых сюжетов — «„детские“, т.е. свойственные примитивному сознанию, магические представления и верования» [1, с. 473].

Бицилли объяснил, почему то, что должно быть грустным, у Тэффи становится радостным, нежным. Он пишет о детях у Тэффи: «...чем жальче, чем печальнее их участь, тем сильнее сказывается их детскость, их слабость, беспомощность и их безвинность. Поэтому трагическая развязка в данном случае вызывает в нас „катарсис“ особого рода: катарсис, состоящий не в удовлетворении, какое дает сознание правоты героя, в силу чего и гибель его является моральным торжеством, и не в том, какое испытывается от зрелища очищения гибелью от вины, искупления греха карою; а в том, что сочувствие страдающему выражается в особой эмоции, в которой печаль сочетается опять-таки с радостью — радостью, сообщающейся нам самим страдающим лицом. Ибо страдающий ребенок... никогда не одинок в своем страдании: он сумеет за что-то ухватиться, к чему-то прижаться, что-то согреть и оживить своим дыханием, и в этом обретает свою радость. Оттого и наше сострадание сопряжено с сорадованием» [1, с. 473].

Рассказы о детях и животных, публиковавшиеся в газетах Парижа и Риги в 1930-е гг. и ставшие очень популярными среди западноевропейских и при-

балтийских русских эмигрантов, были изданы в виде новой отдельной книги «О нежности» (Париж, 1938). «Дети и животные — излюбленные темы всего творчества Тэффи, в подходе к которым она не может скрыть пронзительной нежности-жалости» [5, с. 561]. Это сборник, составленный из двух тематических разделов; последний раздел, включающий в себя девять рассказов, назван бесхитро — «Дети». В нем снова появляется характерный герой Тэффи — «страдающий ребенок». Снова ребенок остро чувствует свою отчужденность от мира взрослых. Например, Лиза в рассказе «Подземные корни» ненавидит свой стул, на который для нее подкладывают книги. Отличающийся от прочих стул, постоянное напоминание о том, что ей не хватает роста, чтобы дотянуться до стола, для нее унижительны. Она обижена тем, что все вокруг большие, а она одна маленькая. Так же, как в сборнике «Ведьма», одиночество ребенка в этом цикле рассказов проявляется по-разному, смешиваясь с другими чувствами. Так, в «грубом мальчишке Мише» из рассказа «О нежности» (этот рассказ стоит в сборнике отдельно от раздела «Дети», хотя тематически с ним связан) одиночество пробуждает нежность и выражается в трогательной привязанности ребенка к неживому предмету — подсвечнику. Герои Тэффи вызывают в читателе умиление, жалость и нежность.

Бицилли встретил эту книгу новой рецензией, в которой продолжил мотивы, намеченные в статье о «Ведьме»: «„Герои“ рассказов Тэффи в этом сборнике <...> в сущности же, все дети»; юмор писательницы создается с помощью неожиданностей, сочетании несочетаемого; например, даже «собака и кошка показаны, как их понимают дети, т.е. им приписываются чувства, намерения взрослых людей, и в то же время они не „очеловечиваются“ до конца...» [2, с. 197]. Критик отмечает правдивость Тэффи в изображении «детского сознания и его проявлений», с автором книги читатель словно погружается в мир нежности, радости, более человеческий, чем мир взрослых.

М. Цетлин в рецензии на эту же книгу утверждал, что в наибольшей степени силу своего дара писательница проявила, изображая детей, известных «по прежним книгам Тэффи» [3, с. 471] — подростков девочек, гимназистов. Следуя за психологией ребенка, Тэффи воспроизводит сложный мир его эмоций. Детское сознание еще не способно разобраться в себе, отделить эмоции одну от другой. Поэтому ни одно чувство маленького героя не предстает перед читателем в чистом виде. Переплетение страха и радости, нежности и злобы, сочувствия и злорадства, чистосердечности и притворства создает особое настроение в рассказе, переносит читателя в смутный мир «непроснувшейся души».

Так, например, героиня рассказа «Лешачиха» в сборнике «Ведьма» ощущает злобу и радость неразделимо вместе — ей, «дикой девочке», доступен только один вид радости — чувство торжества над побежденным врагом. Или сестры из рассказа «Брат Сула» (сборник «О нежности»), столкнувшись с пустяковым обманом, вместо разочарования испытывают потрясение и ужас. Они еще не знают, как следовало бы реагировать, и воспринимают внезапное разрушение их ожиданий как нечто необъятное и непостижимое, как угрозу. Де-

вочка Лена в рассказе «О нежности», испугавшись за открытие тайны ее нежности (она тайком запеленала игрушечного слоника), бросается бить свою семилетнюю сестру, смеющуюся над неожиданным открытием. Бицилли называет эти особые эмоции Тэффи «комбинаторными». По его мнению, они играют важную роль в создании уникального юмора Тэффи. Вместе с тем неожиданные поступки, совершаемые детьми, определяются двойственностью их сознания, а также неустоявшейся психикой, отсутствием навыка выражать адекватные эмоции.

Мы полагаем, что «Ведьма» стала сборником, фактически подготовившим концептуальное развитие темы «братьев наших меньших» и детей в последующей книге «О нежности». Но именно с таким, концептуально-взрослым подходом Тэффи — не похожа на детскую писательницу. Другое дело, что она удачно воссоздавала детское сознание и мироощущение, всю свою длинную жизнь она умела сохранять в себе детскость. Этим, на наш взгляд, и объясняется ее популярность как у взрослого, и у самого младшего читателя.

Список использованной литературы

1. *Бицилли П.* [Рец. на кн. Тэффи «Ведьма», изд. «Петрополис», Берлин, 1936] / П. Бицилли // *Современные записки.* 1936. № 61. С. 472–474.
2. *Бицилли П.* [Рец. на кн. Н.А. Тэффи «О нежности», изд. «Русские записки», 1938] / П. Бицилли / *Русские записки.* 1938. № 10. С. 197–198.
3. *Цетлин М.* [Рец. на кн. Н.А. Тэффи «О нежности», изд. «Русские записки», 1938] / П. Бицилли // *Современные записки.* 1939. № 68. С. 471–472.
4. *Трубилова Е.М.* «Ведьма» / Е.М. Трубилова // *Литературная энциклопедия русского зарубежья.* 1918–1940. Т. 3: Книги. М.: РОССПЭН, 2002. С. 560–561.
5. *Трубилова Е.М.* «О нежности» / Е.М. Трубилова // *Литературная энциклопедия русского зарубежья.* 1918–1940. Т. 3: Книги. М.: РОССПЭН, 2002. С. 561–562.
6. *Трубилова Е.М.* «Маленький друг мой — живи!» / Е.М. Трубилова // *Тэффи. Золотое детство.* СПб., М.: Речь, 2018. С. 5–35.
7. *Тэффи Н.А.* Игрушки и книги / Н.А. Тэффи // *Возрождение.* 1927. 25 дек.
8. *Шадурский В.В.* Какие дети прочтут Сашу Черного? / В.В. Шадурский // *Детская литература и воспитание: сб. тр. Международной научно-практической конференции «Детская литература и воспитание», Тверь, 13–15 мая 2010 г.* Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. С. 141–149.

Об авторах

Шадурский Владимир Вячеславович — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», Великий Новгород, e-mail: shadvlad@mail.ru

Дьячкова Алина Константиновна — студентка очной формы обучения Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого», Великий Новгород.